

ЛИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

УДК 9(470–89)+929 Норов

В. С. НОРОВ – «ДЕКАБРИСТ БЕЗ ДЕКАБРЯ»

С.В. Лёвин

Саратовский государственный университет
Балашовский филиал, кафедра истории
E-mail: kon@bf.sgu.ru

В статье рассматривается жизненный путь гвардейского офицера, участника Отечественной войны 1812 года, зарубежных походов 1813–1814 гг., ложно обвиненного в деятельности тайных декабристских обществ и незаслуженно наказанного за это.

V.S. Norov – a 'Decembrist without December'

S.V. Lyovin

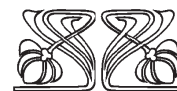
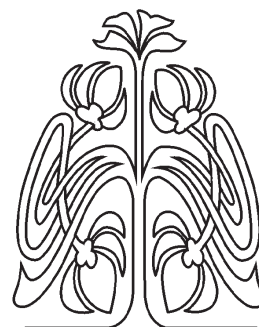
The article is about the course of life of a Guards officer, a participant of the Patriotic War of 1812, foreign campaigns of 1813–1814 who was falsely accused of taking part in the activities of secret Decembrists' societies and undeservedly punished for that.

В 1834 г. в Петербурге вышли из печати воспоминания участника Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.¹ Книга была издана анонимно; только много лет спустя стала известна фамилия автора – Василий Норов.

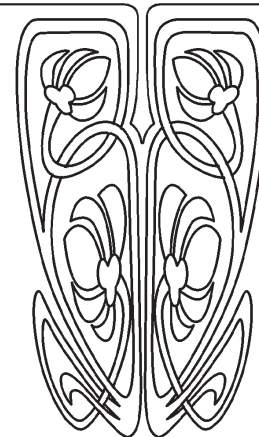
Василий Сергеевич Норов родился 5(17) апреля 1793 г. в с. Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии в старинной дворянской семье². Помимо саратовского имения семья Норовых владела поместьями в Тульской, Рязанской и Костромской губерниях. Отец – Сергей Александрович Норов служил в гвардии; в звании майора вышел в отставку и поселился в своём саратовском имении. В 90-е гг. XVIII в. он был предводителем саратовского дворянства. С. А. Норов был вспыльчивым, властным помещиком, жестоко обращавшимся со своими крепостными. Мать Василия – Татьяна Михайловна (урождённая Кошелева) представляла собой полную противоположность деспотичному супругу, отличаясь добротой, спокойным уравновешенным характером³.

Начальное образование Василий Норов получил дома⁴. Осенью 1801 г. родители определили его в одно из самых привилегированных учебных заведений России – Пажеский корпус. Здесь он показал себя примерным воспитанником. На Норова обратила внимание императрица Мария Фёдоровна, которая стала брать его во дворец товарищем игр великого князя Николая Павловича⁵.

В августе 1812 г., отлично выдержав экзамен, В. С. Норов в чине прапорщика был выпущен из корпуса и «лично государём» определён в лейб-гвардии Егерский полк, в составе которого участвовал в боях 1812 г. и 1813–1814 гг. На службе Норов показал себя отважным, мужественным, знающим военное дело офицером, пользовавшимся уважением среди солдат и офицеров. «Его уважали и любили все его сослуживцы гвардейского егерского полка...», – вспоминал Д. Н. Свербеев⁶. «В лейб-гвардии егерском полку, – читаем у Н. П. Поливанова, – он был любим солдатами, с которыми делил все невзгоды и опасности боевой жизни: солдаты смело шли с ним в дело в самые опасные во-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

енные предприятия <...>, они знали, что только – что кончится бой, он первый явится на помощь, успокоить раненых, утешить страждущих»⁷.

Боевое крещение Норов получил в начале октября 1812 г. в сражении на р. Чернишне. Здесь русские кавалерийские части и егеря под командованием В. И. Орлова-Денисова и К. Ф. Багговута нанесли поражение войскам маршала И. Мюрата. «Атаковали мы французов столь счастливо, что они бежали от нас, как овцы, – писал Норов 10 октября 1812 г. своим родителям, – 37 пушек и один знак достались победителям»⁸. 14–16 ноября остатки наполеоновской армии, покидая пределы России, переправлялись через р. Березину. Лейб-гвардии егерский полк первым ворвался в г. Борисов, форсировав Березину. «Кровопролитный бой, – вспоминал Норов об этом сражении, – закипел в одно время на обоих берегах. С самого утра поднялась метель с северным ветром; сильная вьюга засыпала нам глаза инеем и снегом: в нескольких шагах ничего нельзя было приметить; виден был блеск выстрелов»⁹.

1 января 1813 г. начался заграничный поход русской армии. В. С. Норов, как и большинство русских офицеров, приветствовал этот поход. «Сколь война сия ни была кровопролитна, – писал он матери 14 февраля 1813 г., – но мы скорее желаем ещё сражения, чтобы получить твёрдый и полезный мир для отечества нашего. Мы оставили Россию и идём в иностранных землях, но не для завладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе...»¹⁰. Боевой путь Норова в Европе завершился под городом Кульмом. В Кульмском сражении он был ранен в ногу и отправлен на лечение в Прагу, а в ноябре 1813 г. выехал в Россию. На родину Василий Норов вернулся в чине подпоручика, награжденный орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с бантом, 2-й степени с бриллиантами, Святого Владимира 4-й степени с бантом и Кульмским крестом, особенно ценным русскими офицерами. На родине, в Саратовской губернии, он получил также в награду и памятную медаль о войне 1812 г.¹¹

Залечив рану, Норов продолжил службу в родном полку. В 1816 г. он был произведён в поручики, а в 1818 г. получил звание штабс-капитана. Стремление к общественной деятельности привело Норова в тайное общество «Союз благоденствия», в которое его принял в 1818 г. полковник Александр Муравьёв¹². Однако активного участия в деятельности общества он не принимал. «В 1818 г. в Москве, – говорил Норов на допросе по делу о восстании 14 декабря 1825 г., – был принят в тайное общество под названием «Союз Благоденствия». Назвать я членов не могу, ибо обещал сего не делать. Намерение моё было приготовиться к получению Конституции от верховной власти. В 1819 г. услышал я, что общество уничтожилось, и с тех пор я с оным более не в сношении»¹³.

Весной 1822 г. судьба вновь свела Норова с великим князем Николаем Павловичем. На одном из смотров цесаревич, будучи в дурном расположении духа, остался недоволен разводом двух рот лейб-гвардии егерского полка и в резкой, оскорбительной форме сделал замечания нескольким офицерам. Подойдя к Норову, великий князь, хотел по своему обыкновению ущипнуть его, однако, Норов не позволил ему этого сделать.

Через несколько дней во время очередного развода полка Николай Павлович намеренно обрызгал Норова грязью. После развода Норов написал прошение об отставке и вызвал великого князя на дуэль. Николай от дуэли благоразумно уклонился. После чего ещё около двадцати офицеров лейб-гвардии егерского полка в знак солидарности с Норовым решили подать в отставку и шестеро успели это сделать. Инцидент приобрёл широкую огласку.

Современники рассматривали его как конфликт гвардии, привыкшей «при Александре I к гуманному обращению со стороны самого государя...», с великим князем¹⁴. Последний, хотя и не считал себя виновным в этой истории, всё же переживал по этому поводу. «Вы посудите, – писал он И. Ф. Паскевичу, – сколь я терплю от сего несчастного приключения: одно меня утешает, что я не виноват ни в чём»¹⁵. В конфликт вмешался сам Александр I, заставивший Николая Павловича извиниться перед Норовым. Василию Норову вызов великого князя на дуэль стоил шести месяцев гауптвахты и перевода в армейский 18-й Егерский полк, а в октябре 1823 г. он перешёл в Московский гренадёрский полк и в чине подполковника командовал батальоном.

После восстания 14 декабря 1825 г. Василий Норов был арестован. Вот как описал сцену ареста присутствовавший при этом А. И. Кошелев: «Сидим мы у Норова и беседуем. Вдруг около полуночи, без доклада входит полицмейстер и спрашивает, кто из нас Василий Сергеевич Норов. Когда хозяин встал и спросил, что ему нужно, тогда полицмейстер объявил, что имеет надобность переговорить с ним наедине. Норов попросил нас уйти на время.<...>. Опечатали все бумаги Норова, позволили ему только в сопровождении полицмейстера взойти к старухе-матери, чтобы с нею проститься и повезли его в Петербург»¹⁶. Николай I «удостоил» Норова личным допросом. Д. И. Завалишин в своих записках со слов Норова так описал его встречу с Николаем: «Когда Норова после 14 декабря арестовали и привезли во дворец, то Николай Павлович до того разгорячился, что сказал: «Я знал наперёд, что ты разбойник, тут будешь» и начал его сыпать бранью. Норов сложил руки и слушал хладнокровно. Бывший тут свидетелем командир гвардейского корпуса Воинов старался успокоить государя, у которого от сильного раздражения пересёкся голос. Воспользовавшись этим, Норов и сам внутренне взбешённый, перешёл, как рассказало, в наступательное

положение и сказал: «Ну-ка ещё. Прекрасно. Что же вы стали? Ну-ка ещё. Ну-ка». Государь вышел из себя и закричал: «Верёвок! Связать его». Воинов, видя, что сцена дошла до неприличия, забьлся и сам, вскричав: «Помилуйте, да ведь здесь не съезжая», схватил Норова за руку и утащил из кабинета»¹⁷.

В. С. Норова осудили по второму разряду, приговорив к политической смерти, которая заключалась в том, чтобы положить голову на плаху, и к 15 годам каторги с лишением воинского звания и дворянского достоинства.

Согласно обвинительному приговору Норов обвинялся в том, что во-первых, «участвовал согласием в умысле на лишение в Бобруйске свободы блаженной памяти государя императора и ныне царствующего государя», во-вторых, «принадлежал к тайному обществу с знанием цели»¹⁸. На мой взгляд, обвинение против Норова надумано. Члены Южного общества С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин планировали во время военных учений, которые должны были пройти весной – летом 1823 г. под Бобруйском, арестовать императора Александра I, великого князя Николая и генерал-адъютанта И.И. Дибича, после чего «произвести бунт в лагере и, оставя гарнизон, идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя к себе другие войска»¹⁹. В этом деле Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин рассчитывали на помощь полковника И.С. Павло-Швейковского и Норова. Однако Норов наотрез отказался участвовать в аресте Александра I. «Я клянусь всемогучим богом, – свидетельствовал он на допросе, – что если бы сделано было покушение на жизнь или свободу покойного государя, то к какому-бы обществу я не принадлежал, я охранял бы священную его особу до последней капли крови»²⁰. Это намерение Норова подтверждается письмами из семейного архива Норовых, которые использовал в своей статье Н.М. Поливанов – муж сестры Василия Норова, Екатерины²¹.

По второму пункту обвинительного приговора (о принадлежности к тайному обществу) следует отметить, что после самороспуска «Союза благоденствия» Норов ни в какое общество больше не вступал. Собственно, и в «Союз благоденствия» он вступил «по молодости», увлечённый «духом вольнодумства, сперва без всякой цели, только для удовольствия свободно говорить», при этом «часто сам не понимал, про что рассуждают»²². Как же Норов оказался в рядах Южного общества?

П.И. Пестель на вопрос о принадлежности Норова к тайному обществу ответил, что лично с ним не знаком, но «мне сказали Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, что они его в общество приняли, и мы его считали в числе членов»²³. М.П. Бестужев-Рюмин показал на допросе: «Норов был уже членом прежнего общества («Союза благоденствия». – С. Л.): во вновь преобразованное он вступил в Бобруйске в 1823г. и оное решительно оставил, вышедши в отставку»²⁴. С.И. Муравьев-

Апостол свидетельствовал, что «Норов ни мною и ни Бестужевым не принят в общество, а принадлежал Союзу благоденствия»²⁵.

Выходит, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин автоматически перенесли членство Норова в «Союзе благоденствия» на Южное общество²⁶, даже не сказав ему об этом. Ни о существовании Южного общества, ни о том, что является его членом, Норов не знал. «Даже само название Южного общества, – отвечал на допросе Норов, – мне доселе было неизвестно и ни с кем из членов оно никогда не был в сношении»²⁷. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин объявили Норову, что они не признали самороспуска «Союза благоденствия» и Норов, вероятно, считал их и себя участниками этого общества.

Обвинение Норов признал справедливым, но считал себя виновным в том, что «был в сношении с преступниками»²⁸. Так он называл участников восстания на Сенатской площади. Известие о событии 14 декабря поразило Норова. «Что наделали, что наделали эти горячие головы. Погубили святое дело!» – записал со слов своей матери Н.М. Поливанов²⁹.

Современники считали, что суровость наказания Норова вызвана личной ненавистью Николая I к нему³⁰. Норов провёл десять лет в Свеаборгской, Выборгской, Шлиссельбургской и Бобруйской тюрьмах, но это не сломало его. В письме к родителям от 12 апреля 1833 г. из Бобруйской тюрьмы он писал: «У меня достаточно характера, чтобы переносить с твёрдостью мою роковую судьбу. Только смерть может прекратить её. Я счастлив был бы, если пришлось бы умереть, всё равно полковником или солдатом, на поле чести, если не для блага отечества, то пусть во славу нашего оружия на Кавказе»³¹.

Благодаря ходатайствам матери В. С. Норов в 1835 г. был переведён рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон. Здесь он «состоял под строгим секретным надзором»³².

На Кавказе военное руководство высоко ценило В. С. Норова как военного специалиста, его знания по военной стратегии и тактике, приглашая на военные советы.

Д. Д. Аллестышев, служивший в то время на Кавказе, говорил сестре В. С. Норова Екатерине Сергеевне: «И я, и главнокомандующий барон Розен во время экспедиции часто пользовались советами вашего брата Василия Сергеевича. Во многих случаях он заменял нам офицера Генерального штаба, его рекогносцировки всегда отличались точностью»³³. Сам Норов считал, что на Кавказе он воевал за чуждое ему дело. «Я был тем более далёк от того, чтобы считать черкесов своими врагами...», – писал он в замечаниях на книгу Д. С. Белла о Черкесии³⁴.

В 1838 г. Норов по болезни был уволен со службы с «высочайшим дозволением» жить в семейном имении с. Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии, но под секретным

надзором. Однако в Надеждино он оставался недолго. Мать к этому времени уже умерла, а с отцом отношения оставались натянутыми. В 1841 г. Норов получил разрешение переехать в Ревель.

Осенью 1847 г. Норов приехал в саратовское имение с. Ключи, чтобы навестить своего брата Александра. «Он [В. С. Норов. – Л. С.] любил свою родину, с. Ключи, любил Хопёр, любил его разливы, его дубраву и сосновую рощицу в верхнем саду, насаженную его матерью», – писал Н. Поливанов³⁵. Но вскоре Норов был вынужден покинуть Ключи. Причиной его скорого отъезда стала постоянная слежка за ним «агентов полиции, неотвязчиво следивших за всякой его прогулкой, за всякой его поездкой. Эти мелочи его раздражали, и он уехал в Ревель с тем, чтобы из него не выезжать»³⁶. Действительно, в Саратовской губернии местная власть следила буквально за каждым шагом Норова. Едва он приехал в Ключи, балашовский земский исправник уже доносил саратовскому губернатору: «В исполнении предписания Вашего превосходительства от 14 ноября за № 1988 за прибывшим в Балашовский уезд село Ключи унтер-офицером Норовым иметь секретный полицейский надзор, предписано мною пристава 1-го стана Хорченкову, о чём Вашему превосходительству имею честь донести»³⁷. Однако «секретный полицейский надзор» был настолько явным, открытым, что Норов выразил протест по этому поводу. 6 марта 1848 г. подполковник корпуса жандармов Есипов просит саратовского губернатора «предписать местным властям иметь за унтер-офицером Норовым во всё время его проживание в означенных уездах и городе, не полицейский надзор, а секретное наблюдение, не обнаруживая такового Норову»³⁸.

В Ключах долго сохранялась добрая память о В. С. Норове. Так, 90-летняя жительница села Устинья Кочеткова в начале XX в. на вопросы приезжавших и просивших рассказать о Норовых, вспоминала: «Один-то сын у старого барина при царе служил в министрах, а другой жил будто беспаспортный. Сын этот против царя шёл, поэтому никуда нельзя было ему выезжать»³⁹.

Норов умер в Ревеле в 1853 г.⁴⁰ Николай I не разрешил Аврааму Сергеевичу Норову ехать в Ревель хоронить брата. Василия Сергеевича хоронил его дворовой слуга. До 1858 г. на могиле В. С. Норова не было даже памятника. Известный историк-архивист, почётный член Археографической комиссии Н. В. Калачов в одном из своих писем осенью 1858 г. сообщал А. С. Норову: «В бытность жены моей в Ревеле, она исполнила данное мне Вашим Высокопревосходительством, поручение – узнать, поставлен ли на тамошнем русском кладбище памятник вашему покойному брату. Она нашла белый каменный памятник с надписью, поставленный, как ей сказали генералом Грессером, но без решётки»⁴¹.

Освободитель родины от наполеоновских войск Василий Норов сам оказался в цепях

деспотизма. Он не являлся участником тайных декабристских обществ и восстания на Сенатской площади, он был «декабристом без декабря».

Примечания

- ¹ [Норов В.С.] Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. Ч. 1–2.
- ² Род Норовых, согласно семейному преданию, происходил от «выехавшего из немец» в Новгород в середине XV в. Василия Норова. Достоверным родоначальником фамилии считается Новгородский боярин Родион (Иродион) Норов, переведённый Иваном III в 1485 г. на поместье в Коломну. Род Норовых внесён в шестую часть родословных книг Курской, Московской, Пензенской, Рязанской и Саратовской губерний. (См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб., 1887. Т. 2. С. 171–180; Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. XXI. С. 375; Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. Пгг., Б.г. Т. 28. С. 873; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. М., 1999. Т.4.С. 362–363; Русский биографический словарь: В 20 т. / Сост. П. Калинин, И. Корнеева. М., 2001. Т.11. С. 208).
- ³ В семье Василий был старшим; он имел ещё трёх братьев и двух сестёр. Наиболее известным из братьев стал Авраам Сергеевич – видный государственный деятель середины XIX в., с 1854 по 1858 г. – министр народного просвещения. Сестра Евдокия Сергеевна была близким другом П. Я. Чаадаева.
- ⁴ Длительное время в качестве домашней учительницы в семье Норовых жила Н. Г. Боголюбова – племянница А. Н. Радищева, тётка художника А. П. Боголюбова.
- ⁵ В. М. Захаров, ссылаясь на семейное предание Норовых, но не указывая при этом источник, упоминает о конфликте между Василием Норовым и великим князем Николаем, произошедшем во время игры в солдатики. «За увесистые тумачи» великому князю Норов «был на некоторое время исключён из корпуса и отправлен домой под надзор родителей» (См.: Захаров В. Судьба декабриста // Годы и люди: сб. очерков. Саратов, 1983. С. 10; Вахрушев В. С., Захаров В. М. Проникновение в былое. Балашов, 1992. С.7). Документального подтверждения этому найти не удалось.
- ⁶ Свербеев Д. Н. Записки. 1799–1826. М., 1899. Т.2. С. 17.
- ⁷ Поливанов Н. В. С. Норов. Декабрист. По его письмам // Русский архив. 1900. Вып. 2. С. 282.
- ⁸ К чести России. Из частной переписки 1812 года / Сост. М. Бойцов. М., 1988. С. 152.
- ⁹ [Норов В. С.]. Указ. соч. Ч. 1. С. 152.
- ¹⁰ К чести России. С. 198.
- ¹¹ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 91.
- ¹² См.: Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной: В 18 т. М., 1980. Т. 12. С. 215. В.М. Захаров называет В. С. Норова членом масонской

- ложи «Трёх добродетелей» (*Вахрушев В.С., Захаров В.М.* Указ. соч. С. 17). Однако среди участников этой ложи, перечисленных А. Н. Пыпиным (Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. №2. С. 600–602; Русское масонство XVIII и первая четверть XIX вв. Пгг., 1916. С. 426–427) и А. И. Серковым (История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 368). Василий Норов не назван, а значится его брат Авраам.
- ¹³ Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 212.
- ¹⁴ [Тучкова-Огарёва Н.А.] Записки. 1828–1878 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. №10. С. 25; Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. Е.В. Петухова. СПб., 1913. С. 7; *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 92. См. также: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 310.
- ¹⁵ Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Составил князь Щербатов. СПб., 1888. Т. 1. С. 365.
- ¹⁶ Русское общество 40-х – 50-х годов XIX в.: В 2 ч. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева / Сост. Н. И. Цимбаев. М., 1991. С. 53.
- ¹⁷ *Завалишин Д. И.* Записки. СПб., 1910. С. 241.
- ¹⁸ Восстание декабристов: Документы. Т. 17. С. 120–121; *Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903. Т.1. С. 694, 732.
- ¹⁹ Восстание декабристов: Документы. Т. 17. С. 37.
- ²⁰ Там же. Т. 12. С. 217.
- ²¹ *Поливанов Н. М.* Указ. соч. С. 283.
- ²² Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 215.
- ²³ Там же. С. 211.
- ²⁴ Там же. С. 213.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ М. А. Минкин, И. В. Порох и К. В. Шилов считают, что Норова «присоединил к Южному обществу декабристов» только С. И. Муравьев-Апостол. (См.: *Минкин М.А., Порох И.В., Шилов К.В.* От «грозы 12-го года» до откликов на декабризм. Саратов, 1983. С. 11).
- ²⁷ Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 216. А. Г. Тартаковский отмечает, что Норов не просто «примыкал к Южному обществу», но и «участвовал в выработке планов государственного переворота» (*Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 119).
- ²⁸ Восстание декабристов: Документы. Т. 12. С. 217.
- ²⁹ *Поливанов Н.М.* Указ. соч. С. 284.
- ³⁰ См.: [Тучкова-Огарёва Н. А.] Указ. соч. С. 25; *Завалишин Д. И.* Указ. соч. С. 248; *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 158–159; *Лорер Н. И.* Записки декабриста / Под ред. М. В. Нечкиной. Иркутск, 1984. С. 171. См. также: *Щеголев П.* Император Николай I – тюремщик декабристов // Былое. 1906. №5. С. 196–197; *Шестериков С.* Декабрист В. С. Норов // Былое. 1925. №2 (30). С. 88; *Нечкина М. В.* Движение декабристов: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 405.
- ³¹ Цит. по: *Поливанов Н.* Указ. соч. С. 289. В Бобруйской крепости Норов подготовил к изданию свои записки о походах русской армии 1812 и 1813 гг., которые он начинал писать с целью «избежания праздности и рассеяния несносной грусти» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 531. Д. 477. Л.1).
- ³² Российской государственной военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 272. Д.16. Л.1; *Вейденбаум Е.* Декабристы на Кавказе // Русская старина. 1903. № 6. С. 498.
- ³³ Цит. по: *Поливанов Н.* Указ. соч. С. 295, примеч. Норова часто приглашали на военные советы, где к его мнению прислушивались (см: *Смирнов И. А.* Декабрист Василий Норов // Декабристы Дмитровского уезда: Сб. трудов музея Дмитровского края. Дмитров, 1925. Вып. 3. С. 62; *Дзидзария Г. А.* Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 96.).
- ³⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 201. Картон №56. Л. 2 об. 3.
- ³⁵ *Поливанов Н.* Указ. соч. С. 302.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 693. Л.4.
- ³⁸ Там же. Л. 15.
- ³⁹ Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И. В. Пороха: В 2 т. Саратов, 1993. Т. 1. С. 174.
- ⁴⁰ К. К. Жерве ошибочно считал, что «Норов умер на Кавказе» (*Жерве К. К.* Воспоминания // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 775), а Д. И. Завалишин полагал, что «в заточении» (*Завалишин Д.И.* Указ. соч. С. 248).
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 623. Л. 46.